

III. ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(517)"05/11"

С.А. Васютин

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТНЫХ ИНСТИТУТОВ УЙГУРОВ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ОТ ПЛЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ К ГОСУДАРСТВУ

Представлены основные итоги изучения политических процессов у уйгуров в период раннего Средневековья. В раннесредневековый период уйгуры демонстрирует усложнение политической организации и переход через многочисленные догосударственные формы к государственной организации власти. Несмотря на то, что этот процесс был прерывистым и нередко обратимым, все же можно говорить о его определенной последовательности и целенаправленности. Особое внимание уделяется Уйгурскому каганату как специфичной кочевой империи с развитой городской инфраструктурой, гражданской администрацией, фискальной политикой и важной ролью в мировой торговле. Рассматриваются уйгурские княжества в Восточном Туркестане как особая модель среднemasштабных сообществ, где на фоне формирования комплексного кочевно-оседлого социума оформляется устойчивая государственная система с широким включением кочевников в управленческие структуры.

Ключевые слова: уйгуры, политогенез, сложный чифдом, кочевая империя, государство.

Судьба уйгуров была тесно связана с конфедерацией теле [1. Т. I. С. 301]. Первые сведения об уйгурах относятся к концу IV–V в. Вместе с другими племенами теле уйгуры занимали обширную территорию Западной и Северной Монголии. В «историческом экскурсе» Тэсинской надписи это время ассоциируется с 300-летним правлением «мудрых и великих каганов» уйгуров [2. С. 87–88]. В то же время китайские хроники четко фиксируют, что у теле «не было единоначальствующего верховного главы; каждый род имел своего государя или старейшину» [1. Т. I. С. 215–216]. И текст на Тэсинской стеле косвенно указывает на то, что уйгурские каганы управляли не одним имперским элем, а множеством (буквально «тысячью») «элей» (племенами) [2. С. 88]. По всей видимости, в рассматриваемом фрагменте Тэсинской надписи акцент сделан на независимости уйгурских вождей («каганов»), а не на их доминировании в имперском объединении кочевников. Власть вождей (Афучжило, Мивоту, Ифу и др.) периодически возникавших, но неустойчивых племенных объединений теле сопоставима с полномочиями лидеров простых чифдомов.

Острые конфликты теле и жуань-жуаней в первой половине VI в. [1. Т. I. С. 219] создали благоприятную почву для возвышения тюрков, разгрома ими жуань-жуаней и создания Великого Тюркского каганата. Среди племен теле именно

уйгуры занимали особое место в этноплеменной иерархии тюркской империи. Не случайно в «Тан шу» указывалось, что тюрки силами уйгуров «геройствовали в пустынях севера» [1. Т. I. С. 219].

Раскол Великого Тюркского каганата на Восточно-тюркский и Западно-тюркский каганаты, междоусобицы между представителями правящего у тюрков клана Ашина, фактическое подчинение значительной части элиты Восточно-тюркского каганата империи Суй ослабили контроль тюрков над зависимыми племенами и способствовали процессам интеграции телесцев в более крупные надплеменные объединения. В 605 г. западно-тюркский каган Чуло напал на племена теле, «обложил их тяжелой податью», «но опасаясь возмущения, он собрал несколько сот их предводителей и убил их всех» [1. Т. I. С. 301], в результате восстания уйгуры, объединившись с племенами пугу, тунло и байегу, создали союз во главе с Сыгинем (Шы-гянь-Сыгинем) из рода Яглакар и «отложились» от власти тюрков. Местом их расселения стал бассейн р. Селенги [1. Т. I. С. 301–302, 339]. В годы правления восточно-тюркского кагана Шибира (608–619) надплеменной союз во главе с уйгурами подчинился тюркам [1. Т. I. С. 339], но сохранил свою автономию. Об этом свидетельствует переход власти от Шы-гяня к его сыну Пусе, характеристика которого в «Тан шу» наглядно свидетельствует о самостоятельности его дейст-

вий: «в сражениях всегда шел впереди и куда ни устремился все сокрушал: почему подчиненные боялись и повиновались ему» [1. Т. I. С. 302]. Все это позволяет говорить об устойчивости созданного уйгурами объединения и преемственности власти в рамках рода Яглакар.

Начало следующего этапа политогенеза уйгуров можно условно связать с событиями 628 г., когда сеяньто и уйгуры, поддержанные Тан, восстали против тюрков. Пуса, разбив одну из армий тюрков, наладил самостоятельные отношения с Поднебесной [1. Т. I. С. 302]. В результате совместного давления на тюрков уйгуров, сеяньто и Китая Восточно-тюркский каганат прекратил существование, а каган Хейли вместе с остатками армии сдался Тан. Доминирующую роль в монгольских степях занял каганат Сеяньто (630–646/647). Поражение сеяньто, уйгуров, тунло, пугу, мохэ и си в 641 г. от китайцев привело к выступлению уйгуров против сеяньто. К 646–647 гг. «Дом Сеяньто» под ударами китайцев, тюрков и уйгуров ослаб и был в конечном итоге уничтожен [1. Т. I. С. 343]. В 647 г. вожди племен теле (включая и уйгуров) прибыли в распоряжение танского императора Тай-цзуна и «один за другим» давали зарок императору, что «они из рода в род будут служить небесному высочайшему хану». Земли к северу от Гоби были разделены на 6 крупных территорий дудуфу (для управления уйгурами был создано наместничество Ханьхай) и 7 округов для более мелких племен теле [1. Т. I. С. 302, 343; 4. С. 118]. Однако уйгуры явно стремились к независимости и консолидации «поколений теле». Тумиду стал именовать себя каганом, учредил должности чиновников, такие же, как у тюрков [1. Т. I. С. 305; 4. С. 118]. Это вызвало сопротивление среди части кочевой элиты, и Тумиду был убит. Однако же власть с санкции китайского императора перешла к его сыну Пожуню. Пожунь пошел на тесное военное сотрудничество с Китаем. Во главе 50 000 уйгурских воинов он участвовал в покорении империй Тан Западно-тюркского каганата (657). При наследнике Пожуна, его сыне (или племяннике) Били (Бисуду) в 660–663 гг. произошли неоднократные военные столкновения между китайцами и теле [4. С. 119–120]. Как полагает А.Г. Малявкин, данный конфликт свидетельствует о фактическом провозглашении Первого Уйгурского каганата (663–679) [4. С. 119, 120–123, 125]. А.К. Камалов полагает, что Первый Уйгурский каганат возник еще в 647 г., война же китайцев с

теле 660–663 гг. заставила Поднебесную признать независимость каганата, просуществовавшего до 689 г. [5. С. 7, 62–63].

В период от падения Восточно-тюркского каганата (630) и до восстановления власти тюрков в степи (689) племена теле, входившие в союз во главе с уйгурами, обосновались в бассейне рек Толы и Орхона, заняли Отюкенскую чернь (Хангай). В 60–70-е гг. VII в., по всей видимости, сложилась структура Уйгурской державы. Во главе каганата стояли 9 родов (в надписи из Могон Шине упоминаются он-уйгуры, т. е. 10 родов) [3. С. 39]) собственно уйгуров. Племя уйгуров, в свою очередь, было старшим над 8 другими племенами. Состав уйгурской политики был изменчив, но в тюркских и китайских источниках закрепилось название токуз-огузы – девять племен. Сложная структура объединения токуз-огузов, наследственный характер власти в рамках клана Яглакар, значительная численность (не менее 200 000 человек) населения позволяют говорить о том, что союз токуз-огузов представлял собой компаудный чифдом.

Подчинившись в 689 г. тюркам, токуз-огузы лишь отчасти сохранили состав объединения. Многочисленные мятежи уйгуров против тюрков и столкновения с ними вели к тому, что отдельные кланы и племена токуз-огузов откочевывали на юг и укрывались в пограничных округах Поднебесной. Так, часть токуз-огузов, не желавшая мириться с властью тюрков, ушла в низовья р. Эдзин-гол и расселилась в Ганьсу [2. С. 87]. Выступление уйгуров во главе с родом Яглакар против тюрков в 40-е гг. VIII в. привело к восстановлению союза токуз-огузов. Победа над тюрками, а также разгром карлуков и тюргешей [4. С. 39–42] позволили токуз-огузам стать полноценными хозяевами монгольских степей и провозгласить собственную империю.

Одним из ярких процессов в истории Уйгурского каганата была урбанизация [6. С. 56–66, 150–153; 7. С. 333–334; 8. С. 23–24 и др.]. В рамках Уйгурской империи городская инфраструктура быстро разрослась и превратилась в целую сеть городских центров разного профиля. Столица – Хара балгас (Орду-балык). Город начал возводиться по указанию Элетмиш Бильге-кагана не позднее 755 г. [4. С. 42]. Со временем вокруг Орду-балыка возникли многочисленные поселения земледельцев, ремесленников и торговцев (наличие большого посада было зафиксировано еще участником Орхонской экспедиции Д.А. Клемен-

цем [9. С. XXVII]). Эти наблюдения подтверждались другими исследователями [10. С. 180–182. Рис. 81; 11. Т. (VI) XXVI. С. 311–327 и др.]). Общая площадь памятника составляет не менее 25 кв. км [7. С. 334]. Обнаружены ставки, военно-административные и религиозные центры, такие как Бейбалык (городище Бай-Булгайн балгас), Чилим балгас, Цаган Сумийн балгас, III Шагонарское городище и др. В Туве возникла целая оборонительная линия из городищ, крепостей, глинобитных и каменных стен, каменных бастioned [12. С. 145–158]. Построенная на границе с владениями кыргызов, данная укрепленная линия имела систему управления и сеть административных центров, связывавших ее с центром империи. Деятельность гарнизонов крепостей в бассейне Хемчика координировались из военно-административного центра I Бажын-Алак, расположенного в пойме Чадана притока Хемчика. Администрация III Шагонарского городища управляла 6 крепостями Верхнего Енисея [13. С. 142. Рис. 31]. С центром империи уйгурские города и крепости в Туве связывал Пор-Бажын, расположенный на современной границе с Монголией. По сведениям Тамим ибн Бахра, побывавшего в Орду-балыке, на дороге из Восточного Туркестана до уйгурской столицы существовали «промежуточные станции» для купцов, а через двадцать дней пути в степи стали встречаться многочисленные деревни и поселения [14. С. 46]. В целом можно говорить о трех-четырёхуровневой иерархии поселений городского типа: столичный города Хара-балгас – «областные» города – провинциальные города и военные крепости на границе с кыргызами – «деревни и поселения» Тамим ибн Бахра.

Немаловажную роль в жизни уйгурских городов и экономики Уйгурского каганата играла торговля. В середине VIII – первой половине IX в. сложились благоприятные условия для развития торговли в каганате и транзитных торговых операций по территории Монголии. Прежде всего, следует указать на внешнеполитические обстоятельства, способствовавшие активной деятельности согдийских купцов в Монголии. Во-первых, это захват Тибетом в 60–90 гг. VIII в. всего «центрального участка Великого шелкового пути от Ичжоу до Ганьсуского коридора. Это вынуждало торговцев везти товары, поступающие из Китая либо, наоборот, транспортируемые в Поднебесную, по «уйгурскому пути» [15. С. 380]. Во-вторых, мощный импульс для развития евразий-

ской торговли дал Арабский халифат. Он во многом обеспечивал тогдашнюю мировую торговлю своим серебряным дирхемом и товарами, купцы халифата существенно расширили сеть торговых коммуникаций, охвативших и евразийские степи. В-третьих, важными контрагентами и посредниками в торговле были растущие города Семиречья и Средней Азии.

Подъем торговой деятельности в Уйгурском каганате был невозможен без благоприятных условий внутри империи. В Уйгурии возникли согдийские колонии. Связи уйгуров и согдийцев сложились, по всей видимости, еще в Ганьсу, куда откочевала в конце VII в. часть токуз-огузов. Также в степи во время восстания Ань Лушаня оказалось много земледельцев и горожан. Наряду с торговлей в каганате рядом с крупными городами возникли очаги земледелия. Собственно, и города, как сообщают источники, возводились согдийцами и китайцами [4. С. 43]. Согдийские общины уже в Уйгурском каганате приобрели серьезное политическое и духовное влияние. Этим во многом объясняется распространение среди уйгурской элиты манихейства. Очевидно, что и торговая деятельность согдийцев осуществлялась с санкции уйгурских каганов, заинтересованных как в развитии торговли, так и в сбыте поступающего из Китая шелка. К тому же уйгурская элита получила доступ к продуктам земледелия и ремесла (тем самым частично была снята характерная для кочевого мира зависимость от продукции земледельческих цивилизаций). Кроме того, есть все основания считать, что торговцы, ремесленники и земледельцы, уплачивая пошлины и налоги, приносили дополнительные доходы.

Урбанизация, формирование иерархии городских поселений, развитие торговли, земледелия и ремесла, фискальная политика, утверждение манихейства в качестве религии элиты – есть прямые свидетельства трансформации Уйгурского каганата в государство. Однако нельзя не заметить определенную «хрупкость» уйгурской «культурно-политической конструкции». Поражение от кыргызов и разгром Орду-балыка (840) пресекли процессы формирования в степи более сложной социально-политической организации. Однако уйгурские государственные традиции оказались востребованы в Восточном Туркестане, куда мигрировала после 840 г. часть токуз-огузов. Здесь возникли Ганьчжоуское, Турфанское и другие княжества, в которых кочевники-уйгуры тесно взаимодей-

вали с местным согдийским населением, что привело к постепенному формированию комплексного кочевно-оседлого общества [16. С. 5–6, 7, 42–92; 17. С. 5, 8, 31–251 и др.].

Подводя итоги можно отметить, что уйгуры в период раннего Средневековья прошли длительный путь создания сложных форм властной иерархии и государственности. Все это может рассматриваться как свидетельство нелинейности социальной эволюции и необходимости отказа от представлений о кочевом мире Центральной Азии как макросистеме, воспроизводившей в последней трети I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. одну и ту же модель социально-политической организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I.
2. Кляшторный С.Г. Тесинская стела (Предварительная публикация) // Советская тюркология. 1983. № 6. С. 76–90.
3. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
4. Малявкин А.Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. С. 103–126.
5. Камалов А.К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. Аламаты: Наш Мир, 2001.
6. Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.
7. Крадин Н.Н. Урбанизационные процессы в кочевых империях монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Кн. 3. С. 330–346.
8. Дробышев Ю.И. Уйгурский каганат – нетипичная кочевая империя // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 2. С. 17–26.
9. Атлас древностей Монголии. Изданный по поручению Императорской Академии наук В. В. Радловым. Труды Орхонской экспедиции. Вып. II. СПб., 1893.
10. Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улаанбаатар, 2008.
11. Ahrens B., Bemmman J., Klinger R., Lehman F., Munkhbayar L., Oczipka M., Piezonka M., Schütt B. Geoarchaeology in the Steppe – a new multidisciplinary Project Investigating the Interaction of Man and Environment in the Orkhon Valley // Археологический журнал. Улаанбаатар, 2008. Т. (VI) XXVI. С. 311–327.
12. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
13. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
14. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье / Пер. с араб. Ф.М. Асадова. Баку: Элм, 1993.
15. Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: очерки истории. М.: Наука, 1988. С. 352–391.
16. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск: Наука, 1974.
17. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск: Наука, 1983.